

Сергей Слепухин

Слепухин Сергей Викторович родился 7.09.1961 в городе Асбест Свердловской области. Окончил Свердловский медицинский институт, после аспирантуры преподавал на кафедре физиологии человека, работал практическим врачом. Долгое время занимался поставками медицинского оборудования. В 2011 г. стал издателем и главным редактором литературного журнала «Белый ворон». Автор сборников стихов «Слава Богу, сегодня пятница!» (Екатеринбург, 2000), «Осенний покррой» (СПб, 2003), «Вода и пряжа» (Екатеринбург, 2005), «Прощай, Парезия» (Екатеринбург, 2007), «Задержка дыхания» (Екатеринбург, 2009), «Дотла забывать» (США, 2011). Участник АСУП-2,3. Живёт в Екатеринбурге.

Филологическая маркировка стихов С.С.

Традиции, направления, течения: модернизм, футуристы, обэриуты, неокамеизм, экспрессионизм, постмодернизм, постконцептуализм.

Основные имена влияния, переключки: Н. Заболоцкий, И. Бродский, Т. Кибиров.

Основные формальные приемы, используемые автором: афористичность, мифологизм, вещественность, живописность, рационально необъяснимая образность, ирония, интертекстуальность, словотворчество.

Сквозные сюжеты, темы, мотивы, образы: inferнальное пространство, рай, высота, полет, перемещение в пространстве, быт, физиология, вещи, поэзия.

Творческая стратегия: мифологизация пространства, борьба за его гуманистическую целостность при помощи слова.

Динамика: стихи 3-го тома становятся более социальными и злободневными. В то же время в них расширяется лирическое пространство. Тотальная ирония 2-го тома дополняется элегическими интонациями. Рефлексия становится более глубокой, формируется философский дискурс.

Коэффициент присутствия: 0,48

АВТОБИОГРАФИЯ. НЕДОПИСАННОЕ

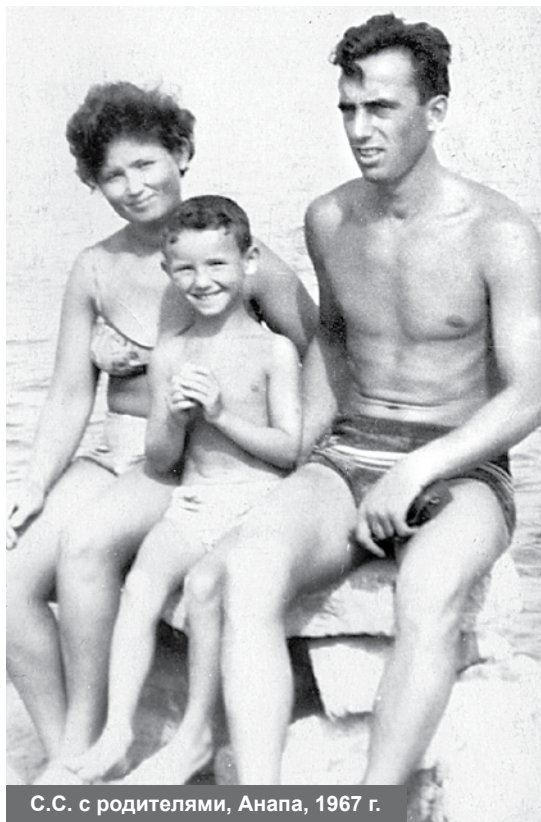
Не начать ли так: «Семья моей матери причастна к литературе и к науке. Дед мой, <... >, ботаник, был ректором Петербургского университета в его лучшие годы»? Нет, не подходит! Не обо мне! Кроме того, банально, примитивно и скучно. Или, может быть, так: «Я – поэт. Этим и интересен. Об этом и пишу. Об остальном – только если это отстоялось словом»? Good. Однако что-то однобоко получается – только анфас или только профиль. В юности амбиции мои не знали границ, я пытался заявить о себе в самых разных начинаниях.

Бескрайним честолюбием, пожалуй, и запомнюсь. Сегодня честолюбие расценивается как плюс.

Что ж, начинаю.

Того города, где я родился, теперь нет, он стерт с лица Земли, вместо него – новый с тем же названием.

Детство, дом, похожий на барак. В десяти минутах ходьбы – край карьера: огромная серо-зеленая чаша глубиной несколько сот метров, крошечные экскаваторы, электровозы, люди-бусинки. В пять часов вечера раздается мощный гром, из горного чрева вверх выползает уродливый гриб Хироси-

С.С. с родителями, Анапа, 1967 г.

мы. Плотное пыльное облако, взрыв, отвал породы. Карьер, как раковая опухоль, наползает на город.

Когда-то в древности здесь жили угры, но потом ушли – мертвая земля, гиблое место. В начале XVIII века некий старатель, блуждая по лесам, нашел странный камень, потянул рукой, в ладони осталась нить – куделька. Так и назвали позже деревню.

Сказки тысячи и одной уральской ночи.

Потемкин, пытаясь загладить вину перед Екатериной, преподносит даме в подарок перчатки из «грубой шерсти странного вида». Императрица бросает барахло в камин – перстатигцы не горят! «Они волшебны, как и моя любовь!» – томно говорит прощенный любовник.

Красные сказки.

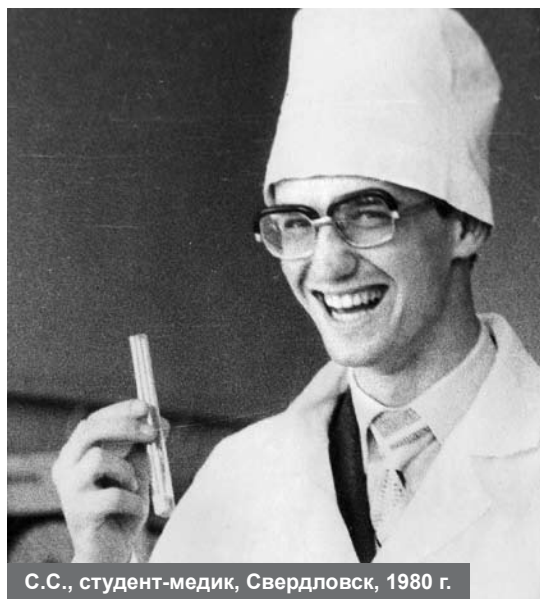
В двадцать первом Арманд Хаммер дарит Москве карандашную фабрику. «Что хочешь взамен?» – спрашивает «нашего милого идиота» вождь мирового пролетариата. «А вот хочу в концессию асбестовый рудник на Урале!» – не теряется американский Иванушка-дурачок. Губа, однако, не дура! На всю жизнь озолотился! На асбестовые деньги скупил у Совдепии шедевры Эрмитажа, хоть потом и отдал на старости лет кое-что обратно.

После войны в Асбесте два лагеря военнопленных. Немцы строят город, фабричные корпуса, дворец, улицы рабочей аристократии. Зимой фрицы мрут как мухи, трупы не успевают хоронить, их складывают в поленицы. Пелагея Афанасьевна, моя бабушка, многодетная молодая вдова, спасает одного такого бедолагу от смерти, выпрашивает немца в помощь по хозяйству. От этого дяди Миши родилась моя тетка Лариса. Отец всю жизнь ненавидел тетку и немцев: «Они моего папу убили!»

Хрущев сослал в «город горного льна» Кагановича. Вампир безвылазно сидел в своем логове и не высывался. Все знали: кровавый нарком – здесь!

Еще пара-тройка сюжетов. Местный художник в начале войны нарисовал портрет Сталина для почтовой советской марки. Мои сверстники, пацаны из соседней школы, в горбачевскую эпоху сварганили модную поп-группу «Агата Кристи». Земляки выбились в кремлевские герои – «ручной пудель Суркова» и Витя-троечник, выпускник местного горного техникума, российский министр и нынешний пермский губернатор.

Мы – Слепухины. Исключительно уральская фамилия. С конца семнадцатого века свободные люди – хозяева ямов, постоянных дворов, трактиров. Перед революцией дед отца, старший конюх Строгановских конных заводов, рано почуял, куда ветер дует, раздал народу накопленное богатство. Спасся. Возможно, кое-что и припрятал.

С.С., студент-медик, Свердловск, 1980 г.

Проклятые «сокровища» перессорили родню. Родители – горняки: папа – механик, ремонтирует экскаваторы, мама – маркшейдер, «горный штурман». Мама похожа на японочку, в ее жилах бурятская кровь. Отец всегда мне казался индейцем: нос с горбинкой, красная кожа, черные смоляные волосы, упругое поджарое тело. Одно из семейных поверий: пра-пра-прабабка спуталась с пленным турком-османом, сосланным сюда, в Сибирь.

На первом родительском собрании мама долго ждала, что же скажут о сыне. Услышала: «А еще

Мама, Нина Валентиновна

С.С. с женой Машей и дочкой Дусей, Свердловск, 1993 г.

у нас в классе есть необычный мальчик, он – мечтатель».

Большая детская обида: набирали желающих учиться игре на ксилофоне. Толстая тетка матери наотрез отказала: слуха – нет!!! Врала, зараза! В подростковом возрасте устал от концертов. Слава Богу, после мутации всё закончилось.

В первых классах учительница рисования вызвала в школу родителей: купите краски этой бестолочи, пусть кто-нибудь ему покажет, как держат кисточку. Эта тоже врала. Региональный менеджер компании «Люфтганза» повесил мой венецианский пейзаж в главном офисе фирмы в Гамбурге.

В детстве я много болел, «прописался» в больнице, в школу пошел в восемь лет. В младших классах учился неважно. Опоздывал в школу, надолго задерживался у витрины филателистического магазина. Моя коллекция – «живопись» на почтовых марках. Часами канючил, не продадут ли мне одну из серий, предназначенных исключительно для членов клуба. Мама надоумила: в воскресенье в клубе филателистов Сережа прочитал лекцию о художнике Василии Сурикове. Рвение мальчика было замечено. Клубом руководили два старика: учитель истории Борис Алексеевич и продавец магазина грозный поляк Арсений Георгиевич Янковский. Неожиданно я стал их любимцем. Пришлось соответствовать: я перечитал в городе все доступные книги по искусству. Клуб ежегодно организовывал филателистические выставки. Работа над каждой из экспозиций была моим первым исследованием, первой «диссертацией».

В юности везло со старшими товарищами. Гарри Фугман и Петр Новицкий – мои учителя в спорте, они поставили мне технику бега. К 15 годам я «выбегал» из 50 секунд на четырехсотметровке.

После победы на одном из соревнований земляки пронесли меня на руках через весь город! Я черняв, прозвище мое – Яков, в честь «неуловимого мстителя» Яшки Цыгана «Был я и чертом, и Богом!». Я высоко в небе, рядом в толпе приплываает какой-то старик: «Хоть один цыган в люди выбился!». Вскоре медицинская комиссия забракует меня, не допустит к республиканским соревнованиям...

Спорт и филателия благотворно скажутся на учебе. Школу я закончил с золотой медалью, поступил в медицинский институт, сдав лишь экзамен по биологии.

Все делал не так! Задано сочинение об идеале. Одноклассники – о молодогвардейцах, Слепухин – о Диего Веласкесе. Для всех Лениниана – «Человек с ружьем», для меня – Егеше Чаренц и Сильва Капутикан. У них «Малая земля», у Сережи – «Его батальон». Реферат по литературе написан в стихах, безобразия! И так во всем.

Не любившая меня классная сквозь зубы шипела в спину: «У-у, непризнанный гений!»

Ярлык прилип, как банный лист. На первом курсе выступаю с докладом на студенческой научной конференции. Доцент Азин, будущий профессор, не дает проходу, все шесть лет зазывает на свою кафедру. В конце концов сдаюсь.

Профессор сулит молодому аспиранту золотые горы плюс премию Ленинского комсомола. Ан,

нет! У судьбы в отношении меня и этой тихой научной кафедры другие планы: сюда комитетчики пристраивают своих сексотов, а молодым чекистам нужен быстрый карьерный рост. Вскоре мы с кафедрой расстаемся. «Вы, Слепухин, человек амбициозный и неадаптивный!»

Независимый, политически неблагонадежный! В течение нескольких месяцев мединститут по разным предлогам не выдает трудовую. Денег нет, я уезжаю в Ленинград, живу то у одноклассника, то у любовницы приятеля. Продаю картинки – свои коллажи. Таня Л. – одноклассница Титова из «Аквариума». Разные люди посещают ее фатеру, кое-кто помогает с реализацией коллажей. 5–7 баксов – крутые деньжищи по тем временам!

Закрутившееся время перестройки и последующей ельцинской «рыночной экономики» круто все изменило. Немного поработал практическим врачом, но в 1991 из-за безденежья-бесквартирия вынужден был уйти из бюджетного сектора, организовав акционерное общество «Евдокия», названное в честь только что родившейся дочери. Помню, как в августовские дни путча в наш офис вбежали люди, жарко говорили с упреком: «Вы тут сидите, а в Москве такое творится!». Да, мы сидели, так как ничего не получалось. Никто не знал, «с чем его едят», этот бизнес.

Потом вдруг всё получилось. Не буду рассказывать о пережитом за двадцать лет – успехи, границы, денежный водопад, мысли – нельзя ли купить остров на Адриатике, затем – чиновники-взятчики, приятели-бизнесмены, расчлененные, проплывающие в чемоданах по реке Исеть, бандиты, ОБЭПы... Опять же мои амбиции. На этом фоне – стихи.

В школе стихи были главным, на конкурсы декламаторов нас привлекали с первых классов. Настоящая одержимость поэзией началась в мои шестнадцать, когда друг прочитал мне вслух «Servus – Reginae» Блока. Александр Александрович, Цветаева, Маяковский – долгое время были главными моими кумирами. В студенчестве я много экспериментировал со стихами. Это были подражания Эжену Гильвику, Рене Шару, Сандрау, Элюару, позже – немцам-экспрессионистам. В форме главенствовал верлибр. С другом Сашей Деменьшиным мы выпускали самиздатовские сборники, в общаге устраивали сборища поэтически-философского клуба «Синтез» (пока нам мягко не объяснили, что такого рода мероприятия строго регламентируются инструкциями ВЧК от 1918 года).

В 1989 я женился второй раз, моя избранница закончила филфак. Этот союз очень важен для понимания того, что было дальше. Мы оба с Машей зачитывались стихами «возвращенных» поэтов, Бродского, Лосева, Цветкова, Кенжеева, Гандлевского. Маша на всю жизнь стала моей единствен-

С.С. с А. Пуриным и В. Гандельсманом, 2003 г.

ной Музой. Появились в эти годы и собственные стихи. Часть их была написана мною, часть – Марией, а некоторые явились плодами совместного творчества «братьев и сестер Гонкур». Так в 2000 в Екатеринбурге вышел совместный сборник «Слава Богу, сегодня пятница». После этого началась «настоящая литературная жизнь». Публикации в «толстых» журналах, издание книг, сближения и многочисленных конфликты с известными стихотворцами и редакторами. Амбиции, амбиции... Мелкие рыбки сбиваются в косяки и косячки, фланируют вдоль берега, большие рыбы – уходят на глубину, далеко в море. Это мое кредо.

Было у меня острое заболевание «Цветковым» и долгое излечение от его стихов. Был совместный проект с Геком Комаровым, издателем «Пушкинского фонда». Была история с выпуском книг Гандельсмана и Цветкова в иллюстрациях дочки Дуси. Я сотрудничал с редакциями многих «толстых» журналов, но наиболее плодотворно с литературным сайтом «Сетевая словесность», потому что Георгий Жердев – лучший из встреченных мною редакторов. В настоящий момент второй год мы с дочерью издаем свой собственный альманах «Белый ворон». Недавно журнал был награжден первой премией берлинского фестиваля «Лучшая книга года».

Вот, примерно об этом я думал, это вспоминал за три дня до нового 2011 года, когда вдруг неожиданно очутился на операционном столе по случаю обширного трансмурального инфаркта миокарда. Сердце расплзлось в трех плоскостях, но я (почему-то) не умер. На следующий день, очнувшись в реанимации, первое, о чем я подумал, было: какая глупость – подводить итоги!

И эта автобиография – тоже большая глупость! Слава Богу, жизнь – продолжается, а главное – не написано!